

ОБ ЭРГУНЭ-КУНСКОМ ПЕРИОДЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ*

В мировом монголоведении по своей научной значимости и масштабности одной из самых актуальных является проблема Эргунэ-куна. В «Сборнике летописей» сообщается, что в древности у племени монгол случилась распря «с другими тюркскими племенами», закончившаяся его сокрушительным поражением. Оставшиеся семьи в страхе бежали в окруженную горами и лесами недоступную местность по названию Эргунэ-кун. Когда их потомки «размножились» и им там стало «тесно», они вышли на простор степи. Вместе с «настоящими монгольскими народами» в Эргунэ-куне возникло название монгол¹.

Приведенное предание прежде всего важно тем, что в нем впервые в источниках упоминается местность Эргунэ-кун, куда в результате глобального катаклизма вынуждены были уйти предки монголов и откуда потом они, называясь уже монголами, вышли в районы современного обитания. Поэтому понятен тот неослабевающий интерес, проявляемый исследователями к вопросу, где же находилась местность Эргунэ-кун. Его разработка началась в первой половине XVIII в. В современной науке четко наметились два противоположных направления. Сторонники западной ориентации полагают, что с Эргунэ-куном можно отождествить находящиеся южнее Енисея горы Танну-Урянха, которые часто упоминаются в монгольском фольклоре, или Тункинско-Окинский горный район на западе Бурятии².

Представители восточной ориентации местоположение Эргунэ-куна локализируют районом р. Аргуни³. Второе направление бесспорно предпочтительнее, так как в письменных источниках под топонимом Эргунэ однозначно подразумевается современная р. Аргунь. Так, в параграфе 144 «Тайной истории монголов»

(«ТИМ») сообщается, что когда Чингис-хан в союзе с керейтским Ван-ханом в урочище Койтен разгромил оппозицию во главе с Джамухой, то для того, чтобы уничтожить ее остатки, он разделил свои силы. Сам Чингис-хан обратился к преследованию тайджиутского Аучу-Баатура, отступившего вниз по Онону, а Ван-хан - Джамухи, который пошел вниз по течению Эргунэ. Понятно, что р. Эргунэ, находившейся в относительной близости от Онона, могла быть только нынешняя р. Аргунь.

Совершенно четкое представление по вопросу, что Эргунэ - это Аргунь, дает «Сборник летописей». Говоря о кочевье родного брата Чингис-хана Хасара, Рашид-ад-дин пишет, что оно «находится внутри Монголии на северо-востоке, в пределах Эргунэ и Кулэ-наура и Килара»⁴. Под Кулэ-науром и Киларом легко угадываются озеро Хулун и р. Хайлар. В таком случае Эргунэ - это, конечно, р. Аргунь.

Название Эргунэ сохранилось не только в письменных источниках. Очень важно указать, что современное звенкийское население Хулун-Буирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР р. Аргунь по-прежнему называет его древним именем Эргунэ, которое в его произношении звучит Эргуна.

Таким образом, источники показывают, что термин Эргунэ отождествим с ныне известным названием Аргунь. Но вопрос в другом, где находилась конкретная местность Эргунэ-кун в достаточно обширном бассейне Аргуни. Дело в том, что в летописных памятниках часто по отдельности упоминаются два названия Эргунэ и Эргунэ-кун, что, конечно, не является случайностью. В этой связи большой интерес представляет бытующее в Хулун-Буирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия КНР предание, в котором говорится, что между горами Большого Хинганского хребта есть местность по названию Эргунэ-хондий, где обитали предки монголов во главе с Бортэ-Чино⁵.

В предании об Эргунэ-куне говорится, что монголы бежали в эту местность после разгрома, учиненного им в войне «другими тюркскими племенами». Существует мнение, что у Рашид-ад-дина термин тюрки носит не столько этнический и лингвистический,

тический, сколько социально-бытовой характер. Используясь в значении «кочевники», он не может служить основанием для установления происхождения тех или иных племен⁶. К сожалению, этот стереотип достаточно прочно утвердился в научной литературе, хотя на самом деле Рашид-ад-дин изначально задумывал свое сочинение как историю народов мира, в котором истории тюрков и особенно монголов отводилось центральное место. В этой связи он писал: «То, что изустно передано от эпохи Чингиз-хана до теперешнего времени из [области] всех дел [монгольского народа], и объяснения [происхождения] последнего - есть общая цель [составления] сего [труда], и нам это больше пригодится; ...подобное этому другой кто-либо не написал и не занес [в стройном виде] в летописный свод»⁷. Несмотря на то, что следуя традиции своего времени Рашид-ад-дин называет монголов тюркским народом, он во многих конкретных случаях разводит монголов и тюрков и по отдельности приводит сведения о происхождении племен либо монгольской, либо тюркской группы. Благодаря такому дифференцированному подходу им составлена чрезвычайно интересная классификация монгольских племен, которую к тюркам никак отнести нельзя. Она основана, как и вся монгольская часть «Сборника», на безвозвратно утраченных письменных монгольских источниках и устных сообщениях монголов-информаторов и до настоящего времени во многом остается непонятой исследователями этнической истории монгольских народов. По этой классификации существовали племена, которые прежде не причислялись к монголам, но именовались ими в XIII в., и были племена, подразделявшиеся на дарлекинов и нирунов, причем первые уже в древности назывались монголами. Последнее замечание очень ценно, так как в контексте предания об Эргунэ-куне Рашид-ад-дин древностью называл период пребывания монголов в этой местности. Если в древности, т.е. в Эргунэ-куне, монголы назывались монголами, то тогда «другими тюркскими племенами», которые вынудили монголов уйти в Эргунэ-кун, были тюрки. Этими тюрками могли быть только тюрки-тукю, в научной литературе часто называемые древними тюрками, потому что термин тюрк, как этническое название, в отличие от других тюркоязычных групп был только у них.

Данный вывод означает, что в Эргунэ-куне были предки монголов и их уход состоялся туда в начале второй половины I тыс. н.э. В приведенном в начале статьи сообщении из «Сборника летописей» зафиксировано поистине эпохальное событие, перевернувшее весь сложившийся миропорядок в Центральной Азии. Таким рубежным событием, знаменовавшим смену этносов, явился разгром державы монголоязычных жужаней и установление древнетюркского владычества. Эта драматическая развязка в отношениях между народами, ставшая важной вехой в истории центральноазиатского региона, отложилась в исторической памяти монголов и в виде предания об Эргунэ-куне вошла в сочинение Рашид-ад-дина.

Значение эргунэ-кунского периода в истории монголов состояло в том, что в Эргунэ-куне стала складываться группа родов дарлекин, сыгравшая впоследствии решающую роль в формировании и становлении современного монгольского народа. Начало сложению этой группы положили род чино, названный в «Сборнике летописей» нукуз⁸, и произошедшие от него новые роды урянхат и хонкират. Вместе с ними в Эргунэ-куне возникло название монгол. При его исследовании надо учитывать тот факт, что линия развития средневековых монголоязычных народов представляла собой цепь последовательно сменявших друг друга этносов. Если до монголов ни один этнос Центральной Азии монголами себя не называл, то более чем очевидно, что в Эргунэ-куне были предки нынешних монголов, появившиеся на исторической арене вслед за жужанями.

Название монгол в форме мэнью и мэнва впервые упоминается в «Цзю Тан шу» («Старая история [династии] Тан») и «Синь Тан шу» («Новая история [династии] Тан»). Оно возникло в среде шивэйских племен, территория расселения которых охватывала Шилку, Аргунь, Верхний и Средний Амур до западных отрогов Малого Хингана. По данным «Цзю Тан шу», мэнью шивэй жили по южной стороне р. Ванцзяньхэ. Источник гласит: «Ванцзяньхэ вытекает из озера Дзюйлун бо. Она течет на восток по краю земель си шивэй. Далее на восток течет южнее да шивэй, захватывая часть их территории. Еще дальше на востоке протекает севернее мэнью шивэй, южнее лодзюй шивэй. Дальше на востоке сливается с реками Нахэ и Хуханьхэ»⁹. В приведен-

ном тексте Ванцзяньхэ - это р. Аргунь вместе с Амуром, Дзюйлун бо - озеро Хулун, Нахэ - р. Сунгари. Хуханьхэ - р. Муданцзян.

Сведения «Цзю Тан шу» несколько конкретизируют исторические карты периода династии Тан, выпущенные картографическим издательским домом в Пекине. На них территория проживания мэнью показана в виде узкой полосы по южному берегу Амура, доходящей приблизительно до современного г. Благовещенска¹⁰. Но кроме картографических материалов имеются другие данные, при рассмотрении которых в совокупности выясняется, что мэнью жили несколько западнее, поблизости от Аргуни.

Из множества толкований этимологии этнонима монгол выделяется версия, что данное название произошло от тунгусо-маньчжурского слова *мангу*, *мангму*, *манггу*, *мангга*, что означает «крепкий, сильный, упругий, твердый, тугой». Впервые такое предположение высказал В.П. Васильев, впоследствии оно было поддержано Э.В. Шавкуновым и Л. Билэгтом¹¹. Однако В.П. Васильев и Э.В. Шавкунов ошибались, утверждая, что тунгусо-маньчжурские народы слово *мангу*, *манга* в качестве названия прилагали только к Нижнему Амуру и, следовательно, этноним монгол первоначально возник там. Накопленный и достаточно хорошо изученный к настоящему времени материал показывает, что нижнее течение Амура до Малого Хингана, Приморье и сопредельные районы Китая начиная с древности были заселены прототунгусскими племенами дуньи. С середины I тыс. н.э. там обитали мохэские и чжурчжэньские племена, весомым свидетельством чего, кроме материалов летописей, служат выявленные найфельдская группа памятников и покровская археологическая культура. Ошибка Э.В. Шавкунова состояла и в том, он неверно реконструировал название монгол в виде *манггот*, искусственно разделив полученный термин на две части путем замены конечной буквы *-т* буквой *-л*. В результате получилась непонятная лексическая конструкция, первой частью которой является тунгусское, а не древнемонгольское, как утверждал Э.В. Шавкунов, слово *манга* - «сильный, строптивый», второй - якобы монгольское слово *гол* со значением «река», подтверждающее, как полагал Э.В. Шавкунов, обитание монголов в низовьях Амура и в целом правильность его гипотезы. Но словосочета-

ние «сильная, строптивая река», даже если посчитать его точной расшифровкой слова *манггол*, никак не могло стать этническим названием, так как этноним является собирательным обозначением конкретной этнической общности (рода, племени, народности), в котором опосредована ее история, культура, образ жизни, среда обитания, мировоззрение. Этого нельзя сказать про слово *река*, которое помимо своего прямого значения дополнительной этнической семантической нагрузки нести не может.

Тунгусо-маньчжурские народы словом *мангу*, *манга* называли весь Амур¹². Более того данный гидроним существует в бассейне Аргуни. Справа в Аргунь втекает берущая начало с предгорий Большого Хингана р. Жилюхэ, что в переводе с китайского означает «стремительная, бурная река». Исконное название этой реки - Мангу. Это тунгусское слово с тем же значением «стремительная, бурная река». Если название самой реки китайцы перевели на свой язык, то весьма примечательно, что правый приток Жилюхэ до настоящего времени сохранил свое первоначальное тунгусское название Мангу.

В отличие от Нижнего Амура наличие р. Мангу в системе Аргуни является ярким свидетельством обитания там шивэйцев мэньу. Об этом говорит такой любопытный факт, что прилегающая к Аргуни с востока территория до сих пор называется шивэй. И уж прямым доказательством сказанному являются обнаруженные в 1992 г. китайскими археологами вдоль р. Мангу, притока Жилюхэ, остатки двух древних поселений, которые на основании конструктивных особенностей нескольких распаннанных жилищ и найденного в них вещевого комплекса были ими определены «как раннемонгольские поселения шивэйского периода». Это археологическое открытие и рассказы жителей Хулун-Буира о нахождении местности Эргунэ-кун в пределах территории их аймака позволяют предположить, что Эргунэ-куном называлось правобережье Аргуни (включая р.Хайлар) вместе с северной оконечностью Большого Хинганского хребта.

То, что имя монгол возникло от названия р.Мангу, что в бассейне Аргуни, доказывает исходная форма этнонима монгол. Ее можно выявить только в «ТИМ», являющейся самым ранним дошедшим до наших дней письменным памятником собственно монгольского народа. В монгольском тексте этой летописи тер-

мин монгол передан в форме *мангол* (*mangyol*), что говорит о том, что в XIII в. еще сохранялась эта первоначальная форма этнонима монгол. Все другие известные формы появились либо в результате искаженного написания этой исходной формы, либо являются производными от нее и из рассмотрения могут быть исключены. Слова *мангол*, в котором гласный звук *o* является средним между звуками *y* и *o*, состоит из двух частей: корня *манго* и суффикса множественного числа *-л*, обозначающего групповую совокупность людей. В сумме обе части дают значение «люди, живущие по реке Мангу».

Предложенное объяснение этнонима монгол является наиболее удовлетворительным среди обилия существующих гипотез. Возможно, решена одна из давних и многотрудных проблем монголоведения, выходящая далеко за рамки чистой ономастики. Выяснение содержания этнонима монгол означает не только раскрытие семантики этого названия, оно позволяет приподнять завесу над ранней историей монголов. Теперь, опираясь на весь наработанный материал, можно сказать, что после разгрома жужаньского каганата часть жужаней, которая идентифицируется с родом чино, в течение достаточно длительного времени находилась за пределами своей родины в Эргунэ-куне, внедрившись в среду шивэйских племен. Проживая в Эргунэ-куне по р. Мангу, чиносцы получили от своих соседей прозвище *мангол* - «люди, живущие по реке Мангу», которое позже, сохранив свое значение, превратилось в этноним *мангол*.

Прозвище *мангол*, здесь мы сталкиваемся с редко встречающимся случаем, чиносцами было переведено на родной язык. Об этом очень прозрачно намекает содержащееся в «Сборнике летописей» слово *киян*, значение которого «большой поток, текущий с гор в низину, бурный, быстрый и сильный» идентично содержанию гидронима Мангу и его китайского эквивалента Жилюхэ. Перевод самого же прозвища *мангол* был оформлен при помощи исконно монгольского суффикса множественности *-т* в виде *кият*. «Кият, - указал Рашид-ад-дин, - множественное число от киян»¹³. В таком случае содержание термина *кият* - «люди, живущие у большого, бурного, быстрого потока», оно полностью совпадает со значением прозвища *мангол*.

Прозвище *кият* было принято чиносцами для «внутреннего

пользования» с целью выделить себя среди окружающего населения: если они не наши, чужие, то мы сами - *кияты*. Однако в итоге за ними окончательно закрепилось полученное от других племен прозвище *мангол*, которое со временем стало осознаваться как их собственное имя *мангол*. Этим еще раз подтверждается установленная в этнонимике закономерность, что среди всех этнических названий, о которых что-либо известно, самоназвания не составляли и не составляют большинства, большая часть этнонимов получена со стороны¹⁴.

С получением прозвища *мангол* род чино и произошедшие от него новые роды стали постепенно забывать свое былое жу-жаньское происхождение и осознавать себя новой этнической общностью по названию *мангол*, которое китайские хронисты записывали как мэнью. После XIII в. этническое название *мангол* в результате внутренней трансформации приняло окончательную, общеизвестную ныне форму монгол.

Когда чино и другие, теперь уже монгольские по своей этнической принадлежности, роды, «размножились и пространство занимаемой ими земли стало недостаточным», они покинули Эргунэ-кун. «Сборник летописей» не дает ответа на вопрос, в каком направлении и куда пролегал их путь. Первый параграф «ТИМ» указывает конечный пункт переселения основного эргунэ-кунского рода чино. Выйдя из Эргунэ-куна, чиносцы вначале ушли на западную сторону Тенгиса, который по всем данным был одним из средневековых названий озера Байкал¹⁵. Во второй половине I тыс.н.э. вокруг Байкала обитало тюркоязычное население, в источниках названное Хоай-Марал¹⁶. С западного побережья, «переплыв море Тенгис», чиносцы перебрались на его восточный берег и обосновались в Баргузинской долине и примыкающих к ней районах Западного Забайкалья. Позже от Байкала они переселились в Монголию, к верховьям р.Онон, где во главе дарлекинских родов составили ядро существующего ныне этноса по названию монгол.

В настоящее время пока нет данных для решение вопроса, когда род чино вышел из Эргунэ-куна и пришел к Байкалу. Имеется лишь возможность, хотя бы очень приближенно, определить время прихода чиносцев к Онону путем подсчета количества поколений в родословной Чингис-хана.

Знакомство с первым параграфом «ТИМ» показывает, что сыном Бортэ-Чино и Хоай-Марал был Бата-Чихан, родившийся на Ононе после прихода туда его родителей от Тенгиса, т.е. Байкала. Но так как Бортэ-Чино и Хоай-Марал являются не реальными, а легендарными персонажами, то настоящим предком Чингис-хана в его родословной, которая приведена в «ТИМ» и «Сборнике летописей», следует считать Бата-Чихана (Батачи-каана).

В средневековье средний срок смены одного поколения у многих народов мира, в том числе у монголов, равнялся 20 годам¹⁷. Поскольку по «ТИМ», с учетом количества поколений, Бата-Чихан родился в 742 г., по «Сборнику летописей» - в 822 г., то промежуточную дату, 782 г., можно хотя бы весьма приблизительно считать годом рождения Бата-Чихана. Важно, что предложенная дата не противоречит сообщению Рашид-ад-дина, что доминирование рода Чингис-хана среди монголов началось в первые годы правления династии Аббасидов.

Установление времени рождения Бата-Чихана является важным ориентиром, указывающим на то, что в конце VIII в. монгольский род чино поселился у истоков Онона и его дальнейшая судьба была неразрывно связана с историей собственно Монголии. С прибытием чиносцев на Онон, чему благоприятствовало изменение общеполитической ситуации в Монголии в связи с падением в 745 г. Восточнотюркского каганата, завершился эргунэ-кунский период средневековой истории монголов¹⁸.

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. М.-Л. 1952. С.153-154; Т.1. Кн.2. М.-Л. 1952. С.9.

² Чиндамуни. Монгол-ун збуге дэгэдус-ун уг нутуг (Родина предков монголов). - Убур монголы-ун багши-ийн йеке сургагули. Эрдэм шинжилгэн-у сэтгүл (Педагогический университет Внутренней Монголии. Научно-исследовательский журнал). Хөхэхота. 1986, № 2. С.56-73; Далай Ч. Хамаг Монгол Улс (1101-1206). Улаанбатар. 1996. С.6-7; Чагдуров С.Ш. Прародина монголов. Улан-Удэ. 1999; Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ. 1999. С. 123-128, 131.

³ Пэрлээ Х. Гурван мөрний монголчуудын аман түүхийн мөрийг мөшгөсөн нь (Исследование устной истории монголов Трехречья). // Studia historica. Т.8, fasc. 6. Улан-Батор. 1969, с.99-100; Кычанов Е.И. Монголы в VI-первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура востока Азии. Новосибирск. 1980. С.140; Монголжин Алтаноргил. «Дөчин түмэн монгол улус» хэмэхү нэ-

рэйидул-ун судулул (Исследование по названию «Сорок тумэнов монгольского народа»). Хөхэхота. 1995. С.41; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С.77, прим.10; Кызласов Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск. 1975. С.171; Билэгт Л. К вопросу уточнения местоположения Эргунэ-куна // Туухийн судлал (Исторические исследования). Том. XXVII-XXVIII, fasc.9. Улаанбаатар. 1995. С.85, 88.

⁴ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1, кн.2. с.52.

⁵ В основе исконно монгольского имени Бортэ-Чино, о чем говорит само имя, лежат древние тотемические представления монголов. Это дает понять текст «Эрдэнийн тобчи», который гласит, что однажды на облавной охоте в Хангае Чингис-хан сказал: «Если в круг облавы попадут олень (*хуи-марал*) и волк (*бортэ-чино*), их не следует убивать». (Sagan Secen. Erdeni-yin tobci (Драгоценное сказание). Monumenta historica. Tom.1. fasc.1. Ulanbator. 1961. С.121).

С развитием религиозных представлений тотемические культы обычно трансформируются в культы умерших реальных предков. (Свод этнографических понятий и терминов. Религиозные верования. Вып. 3. М. 1993. С.163-167). Не избежал этой участи тотем волка у монголов, который на позднем этапе эволюции культа предков приобрел вполне отчетливый человеческий образ. Поскольку теперь существовал этот, уже антропоморфизированный предок, то ему было дано новое имя, полученное путем прибавления к слову *чино* слова *borte*. К XIII в., ко времени написания «ТИМ», в монгольских генеалогических преданиях имя Бортэ-Чино (*Borte-Cino*) однозначно понималось как имя умершего реального первопредка Чингис-хана и тех монголов, которых источники называют коренными, хотя в сознании этой группы и, наверное, самого Чингис-хана представление о данном имени, как воплощении тотема, еще достаточно сильно сохранялось. Об этом можно судить по тому, что в китайском подстрочном и связанном переводах монгольского текста «ТИМ» имя Бортэ-Чино, как и Хоай-Марал, дано в переводе, тогда как другие имена - в китайской транскрипции.

Существует точка зрения, что компонент *borte* является калькой тюркского слова *böri* - «волк», в связи с чем сочетание *бортэ-чино* следует понимать «волк - волк». Но, во-первых, если *бортэ* трактовать как «волк», то как объяснить наличие в нем суффикса *-т*, поскольку волк по тюркски *бору*. Во-вторых, если предположить, что имя Бортэ-Чино означает «волк - волк», то тогда постоянно упоминающееся вместе с ним имя Хоай-Марал по аналогии следует переводить «марал - марал». Но такая интерпретация также не выдерживает критики, потому что ни в одном тюркском языке нет слова *хоай* со значением «марал», «олень». Поэтому следует признать справедливой критику тех исследователей, которые пишут, что пояснение слова *бортэ* как «волк», принятое рядом ученых, исходит из ложно понимаемого эквивалента *бортэ / бору* («волк»). (Rachewiltz I. A note on the word Borte in the Secret history of the Mongols. - East Asian history, 13/14. 1997, p.153).

По мнению И.Рахевилца, не всегда можно соотносить термины XII-XIII вв. с современными формами, так как слова часто подвергаются семантическим изменениям и первоначальный их смысл восстановить бывает сложно. Правильность этого наблюдения подтверждает наличие в монгольском и бурятском языках однокоренного с *бортэ / бұртэ* слова *бортгор / бұртэгэр* со значением «неясный», «невывразительный». Существование этого слова наталкивает к предположению, что анализируемое слово *бортэ* означает цвет, состоящий из разных, переходящих друг в друга, оттенков, трудно поддающийся описанию одним словом. Справедливость этой гипотезы доказывается тем, что в китайском подстрочном переводе «ТИМ» слово *бортэ* передано иероглифом *цан*. *Цан* в

китайском языке обозначает широкую цветовую гамму, включающую темноголубой, синий, лазоревый, зеленый цвета, а в определенных случаях приобретает дополнительное значение «сизый», «седой». И. Рахевилц, изучив историко-культурный фон периода издания «ТИМ» и различные случаи применения иероглифа *цан* пришел к выводу, что слово *бортэ* заключает в себе синий и серый цвета, поэтому его нужно переводить «синесерый». (Rachewiltz I. Ук.соч., р.154). Идентичное мнение мне доводилось слышать от бурят Хулун-Буирского аймака КНР. Они говорят, что иероглиф *цан* по отношению к волку обозначает холодный цвет - «*хуйтэн үгэ*». Таким является цвет, промежуточный между синеватым и сероватым. Поэтому пояснение «синевато-сероватый» я считаю наиболее точной трактовкой слова *бортэ*.

⁶ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С.92-93, прим.1.

⁷ Там же. С.51.

⁸ Волк, в источниках в качестве тотемического предка Чингис-хана названный Бортэ-Чино, был тотемом рода чино. Следовательно, Чингис-хан принадлежал к роду чино, который, как выясняется при ближайшем рассмотрении упоминающегося в предании об Эргунэ-куне имени Нукуз, находился в Эргунэ-куне. В самом предании говорится, что Нукузом звали одного из бежавших в Эргунэ-кун людей. Но Рашид-ад-дин, уточняя это имя, пишет, что нукузом назывался род чино. В подтверждение своих слов он в качестве примера приводит род чинос, который существовал в период написания «Сборника летописей» и образовался от сыновей тайджитского Чаракэ-лингума Гэнду-чинэ и Улугчин-чинэ. Говоря о нем, Рашид-ад-дин неоднократно указывает, что этот род по-другому называется нукуз. Он пишет, что «...чинос есть множественное число от [слова] чинэ. ...Племя чинос еще называют нукуз». (Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. С.25). Дальше он делает весьма существенное пояснение, что в древности у монголов был другой род чино, имевший такое же название нукуз. Это видно из слов: «Это племя (чинос, возникшее от Гэнду-чинэ и Улугчин-чинэ - Б.З.) иное, чем те нукузы, которые суть древние, и, кроме имени, оно не имеет с теми ничего общего и никакой связи». (Там же. С.25) Древние нукузы, т.е. чиносцы, указал Рашид-ад-дин, обитали в Эргунэ-куне: «... Нукузами также называют другое племя - дарлекин, принадлежащее к собственно монголам. Это племя есть ветвь тех, которые вышли из Эргунэ-куна и расплавили железную гору семьдесятю мехами кузнецов...». (Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. С.184). Из приведенных сообщений следует, что подобно роду чино, возникшему от сыновей Чаракэ-лингума и называвшемуся нукуз, находившийся в Эргунэ-куне род чино тоже назывался нукуз. Трудно сказать, почему у двух разных по происхождению родов чино, существовавших в отдаленное друг от друга время, бытовало параллельное название нукуз. Возможно, это было обусловлено необходимостью в каких-то конкретных случаях табуации родового названия чино. Тогда можно согласиться с предположением, что слово нукуз - это оформленное при помощи суффикса множественного числа - монгольское слово *нохой*. Монгольские народы выражением *тигээрэй нохой* - «небесная собака» - иносказательно именуют волка. (Очир А. Монголчуудын нохос, бухас, шарайгол хэмээх овгуудын тухай (О монгольских родах нохос, бухас, шарайгол). В кн.: Сибирь болон Монголын ард түмний угсаатны зүй (Этнография народов Сибири и Монголии). Улаанбаатар - Улаан-Уд. 2000. С.65).

⁹ Цзю Тан шу. 199 цзюань. С.5356.

¹⁰ Чжун го ли ши ди ту джи (Китайский исторический атлас эпохи Суй, Тан, У Дай ши го). Т.5. Пекин. 1982. С.32-33.

¹¹ Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, джурджитах и монголо-

татарах // Тр. Вост. отд. имп. Русского археол. общества. Ч. IV. СПб. 1859. С. 81, 134, 159, 160, 161, 165, 166; Шавкунов Э. В. Еще раз об этимологии этнонима монгол // Древний и средневековый Восток. М. 1987. С. 166-169; Билэгт Л. О происхождении этнонима «монгол» // Угсаатны судлал. *Studia Ethnologica*. Tom. XI, fasc. 1-17. Улаанбаатар. 1997. С. 28-34.

¹² Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. 1. Л. 1975. С. 525-526, 529-530.

¹³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. с. 154.

¹⁴ Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М. 1970. С. 13.

¹⁵ В настоящее время большинство монголоведов толкуют Тенгис как озеро Байкал, воистину являющегося внутренним морем на азиатском континенте. Это предположение наиболее близко к истине, так как подтверждается рядом источников. Хорошо известно, что в средние века разные народы наиболее крупные географические объекты называли своими именами. Не составляло исключения озеро Байкал. Если древние тюрки именовали его Тенгисом (это название вошло в «ТИМ»), то китайцы в эпоху династии Суй - Бэйхаем, в эпоху династии Тан - Цао хаем, тунгусы - Ламой, непосредственно жившие у озера тюркские по происхождению племена теле - Байкалом. О том, что название Байкал могло быть дано озеру тюркоязычными племенами, свидетельствует якутское слово *байсал*, которое, как и все другие из приведенного выше ряда, имеет значение «море». Позже название Байкал без изменения словоформы и первоначальной его семантики приняли появившиеся у озера монголы. Поэтому неудивительно, что современные буряты никогда не называют Байкал, озером, а почтительно говорят о нем как о море, что объясняется жизнестойкостью древней традиции. Все эти примеры показывают, что в средние века в центральноазиатском регионе Тенгисом могло называться прежде всего озеро Байкал.

В позднем средневековье, когда большинство народов стали называть озеро одним именем Байкал, в исторических сочинениях монголов («Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна, «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна, «Пагсам-Чжонсан» Сумба-Хамбо Ешей-Балчжора, «Хухэ дэбтэр») форма Тенгис также сменилась на Байкал.

¹⁶ При обращении к источникам привлекает к себе внимание тот факт, что в них настойчиво проводится мысль о встрече и женитьбе Бортэ-Чино на женщине по имени Хоай-Марал вблизи Байкала. Если под именем Бортэ-Чино, как показал его этимологический анализ, подразумевается тотемический предок монголов *чино* - волк, то в основе имени Хоай-Марал лежит название тотема тюрков марала. Многочисленный фольклорный и этнографический материал свидетельствует, что в Сибири представление о марале или олене, как тотемном животном, еще в недавнем прошлом особенно сильно было развито у тюркских народов и племен Саяно-Алтая. (Потапов Л. П. Следы тотемистических представлений у алтайцев. - Советская этнография, 1935. № 4. С. 139-142, 149; Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX. СПб. 1907. С. 163).

Считается, что первоначально олень был тотемом индоиранских, скифо-сакских племен. Исследователи склоняются к тому, что часть скифов называла себя *saka*, что сближается с осетинским *sag* - олень. Самоназвание саков также восходит к этому слову. Эти примеры указывают на то, что *saka* было именем тотемного животного оленя. (Артамонов М. И. Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления). В кн.: Проблемы скифской археологии. М. 1971. С. 33; Абаев В. Н. Осетинский язык и фольклор. М.-Л. 1949. С. 37).

Центром распространения «скифского оленя» считается Средняя Азия. Имеются все основания полагать, что вышедшие оттуда на Саяно-Алтайское нагорье сакские племена

на постепенно ассимилировались местными прототюркскими племенами, передав последним свой древнейший тотем. (Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. На материале обрядового фольклора бурят. М. 1991, с.75). С Саяно-Алтая культ оленя распространился в район Байкала, который с древности имел этнические и этнокультурные связи с саяно-алтайскими племенами. Во второй половине I тыс.н.э. около озера доминировали тюркоязычные племена, которые поселились там задолго до прибытия монголов. Об этом убедительно говорят Байкальская топонимия и данные топонимических исследований. (Шулунова Л.В. Онимические форманты ойконимов Прибайкалья. В кн.: Исследования по ономастике Прибайкалья. Улан-Удэ. 1990, с.57-59).

Сейчас трудно установить, какая конкретная этническая группа у Байкала имела тотем марала или оленя. Может быть, он существовал у племени гулиган (курыкан), которое было наиболее заметным среди тюркоязычного населения. Во всяком случае в составе курыканов находились пра якутские роды, от которых в современный фольклор якутов попали легенды о *танара табалара* - небесных оленях, в которых исследователи усматривают факт божественного почитания оленя в качестве тотемного животного далекими предками якутов. Культ оленя сложился у предков якутов в Саяно-Алтайском нагорье, откуда они ориентировочно около середины I тыс.н.э. мигрировали в район западнее Байкала, а оттуда в X-XI вв. - на Среднюю Лену, где стала формироваться якутская народность. (Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск. 1993, с.19-20).

Пережитки почитания марала или оленя как тотемического предка отчетливо сохранились вблизи Байкала до настоящего времени. У западнобурятских булагатских и эхиритских родов бытует поверье: «Зуун хара хура морин долеотой, зуудагта буга, хандагай хҮн долеотой» (Если убьешь сто тетеревов, потеряешь лошадь: если убьешь марала или изюбра, потеряешь близкого человека). Другим важным свидетельством былого почитания оленя как тотемного животного является слово *сагаа*, которым качугские, унгинские, кудинские, окинские, тункинские, закаменские буряты, живущие на юго-западном и западном побережье Байкала, до сих пор именуют оленя. *Сагаа* восходит к индоиранскому термину *saka*.

Со временем культ марала около Байкала претерпел ту же эволюцию, что и почитание волка в качестве тотема монголами. На поздней стадии развития культа предков произошло раздвоение представлений о тотеме марала и его антропоморфизация. К нему было прибавлено слово *qоai*, полученное имя Хоай-Марал (Qоai-MaraI) многие исследователи неверно понимают как имя реально жившей женщины - супруги Бортэ-Чино.

В русском переводе «ТИМ», осуществленном С.А.Козиним, супруга Бортэ-Чино названа Гоа-Марал. (Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.-Л. 1941. С. 79, § 1). Это имя Гоа-Марал перешло во всю русскоязычную научную литературу и обычно переводится «прекрасная лань». Однако, если обратиться к монгольскому тексту «ТИМ», то обнаруживается, что там имя жены Бортэ-Чино записано Хоай-Марал. (Юань-Чоу Би-Ши (Секретная история монголов). Текст. Издание текста и предисловие Б.И.Панкратова. Т.1. М. 1962. С.13, § 1). В «Сборнике летописей» это имя передано Коай-Марал. (Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1, кн.2. С.9). Значит, не может быть никакого сомнения в том, что супругу Бортэ-Чино звали Хоай-Марал. Слово *хоай* в китайском подстрочном переводе «ТИМ» записано иероглифами *цань* и *бай*, которые, как пояснили мне ученые Внутренней Монголии, вместе обозначают цвет зимней травы (*вэлийн өвсийн өнгө*). Это означает, что слово *хоай*, как и *бортэ*, также является определением. Поскольку

зимняя трава обычно бывает беловато-желтоватого цвета, то становится очевидным, что слово *хоай*, которого нет в современных монгольских языках, с течением времени приняло форму *хуа* (*ухаа*), обозначающей этот же цвет и ныне широко распространенной в языке монгольских народов.

¹⁷ Алексеев В.П. Человек. Эволюция и таксономия. Некоторые теоретические вопросы. М. 1985, с. 188; Билэгт Л. К вопросу о достоверности родословной Чингис-хана. В кн.: Археологийн судлал. (Археологические исследования). Т.ХV, fasc.1-11. Улаанбаатар. 1995. С.101.

¹⁸ Подробно о ранней истории монголов см.: Зориктуев Б.Р. Реконструкция начального этапа ранней истории монголов // Вопросы истории. 2003. № 3. С.41-57.